

НОВЫЙ ЧАСОВИ

Русский
военно-исторический
журнал

Russian Military History Journal

№ 8-9

Санкт-Петербург
1999

А. И. Сапожников

Император Павел I и донская казачья старшина

Непродолжительное царствование Павла I представляет собой интереснейшую эпоху в истории России. Этому периоду посвящено большое количество исследований, охватывающих широкий круг проблем. Однако, процессы, происходившие в эти годы на территории войска Донского до сих пор остаются недостаточно изученными. Историки, писавшие о событиях на Дону, основное внимание уделили судебному делу братьев Грузиновых, которому посвящен целый ряд исследований¹. В то же время другие, не менее важные события, остались вне их внимания. Но обособленное изучение расправы над братьями Грузиновыми, вырванное из контекста современных происшествий и рассмотренное вне взаимосвязи с ними, не дает цельной картины.

Историк Н.Я.Эйдельман в своей книге «Грань веков» писал о «двойственной казачьей политике павловского правительства»². Действительно, это была политика «кнута и пряника», в которой имели место и заигрывания, и репрессии, но применялись они для достижения единой цели. Это позволяет говорить, что правительственная политика отличалась целенаправленностью, в результате ее казачество шаг за шагом втягивалось в орбиту имперской власти.

Здесь уместно вспомнить о предшествовавших десятилетиях царствования Екатерины II. Её фаворит и ближайший сподвижник, светлейший князь Г.А.Потемкин-Таврический, которому в течение семнадцати лет (1774—1791 гг.) подчинялось войско Донское, любил и ценил донцов, своих боевых соратников в войнах с Турцией. Именно этим объясняется тот факт, что российское правительство, после ликвидации Запорожской сечи и Волжского казачьего войска, не предприняло подобных мер на Дону. Так, Потемкин считал, что для войска Донского нужно «нынешнее его положение сохранить всегда»³. Однако после подавления восстания Пугачева, в 1775 г. им были проведены в войске коренные преобразования с целью усиления власти российского самодержавия на Дону. По его предложению, власть на Дону была разделена на военную и гражданскую. Военными делами управлял войсковой атаман, подчинявшийся Потемкину «как весь генералитет». А все гражданские дела были переданы в ведение специально созданного войскового Гражданского правительства, которое состояло из войскового атамана и шести старшин (четверых по выбору войска, двух по назначению Потемкина). Теперь по части управления войско Донское мало чем отличалось от российской губернии. Одновременно правительство предприняло шаги навстречу пожеланиям донских чиновников: казачьим полковникам стали жаловать патенты на чин, а есаулов и сотников «принимать прилично офицерскому чину». Последнее для донской верхушки, так называемой старшины, было особенно

Генерал от кавалерии граф Ф. П. Денисов.

Войсковой атаман А. И. Иловайский (1775-1797 гг.)

важно. Однажды, в самом начале своей карьеры, Потемкину пришлось спасти походного атамана Я. Сулина от батогов, которыми собирался наказать последнего некий капитан Зорич.

Князь Потемкин умел ладить со своими норовистыми подчиненными: при нем никаких волнений в войске Донском не было. Но стоило ему умереть, а его преемникам чуть-чуть проигнорировать права и привилегии казаков, как в 1792 г. на Дону вспыхнули волнения, вызванные угрозой “обращения в регулярство”. Это произошло в следствие указа о переселении на Кубанскую линию вместе казаков шести донских полков с семьями, чем было нарушено право войска переселять казаков по жребью. Волнения охватили 50 донских станиц, но старшинам удалось в большинстве станиц утихомирить казаков. Однако в 1794 г. для подавления восстания в пяти станицах (с населением около 18 тысяч жителей, преимущественно старообрядцев) пришлось двинуть регулярные войска численностью свыше 10 тысяч человек. Этот грозный урок, совпавший по времени с военными действиями против поляков, в Петербурге запомнили надолго, отметив в то же время ревностную службу донской старшины при подавлении волнений в станицах, что свидетельствовало об окончательном расслоении донского казачества.

Известно, что с первых дней своего царствования Павел I начал борьбу с ненавистными “потемкинскими порядками”, пытался искоренить реформы предыдущего царствования. Вероятно, он собирался слить донское казачество с прочим населением империи, по примеру Малороссии, где простые казаки стали крестьянами, а старшина — дворянством. Вскоре после воцарения Павла I граф А. В. Суворов-Рымникский писал в частном письме: “О казаках донских ничего не сказано; слышно, что они пойдут на Дон и пр., их службу забудут; уподобятся крестьянам”⁴. Логика таких намерений по отношению к войску Донскому вполне объяснима. После присоединения Крыма и Кубани к России в 1783 г., территория войска стала внутренней частью империи. Если ранее за ним сохраняли многие былые вольности, поскольку оно служило надежным кордоном от набегов кочевников и по сути являлось южной границей империи, то теперь для этого не было оснований.

Войсковой атаман Платов.

Генерал-майор Д.М.Мартынов.

Одним из первых своих указов от 12 декабря 1796 г. Павел I распространил крепостное право на территорию войска Донского, одновременно пригрозив наказаниями за прием беглых⁵. Тем самым был сделан первый шаг навстречу донской старшине, давно мечтавшей об этом. Еще в Уложенной комиссии 1767 г. депутаты от войска Донского требовали уравнивания в правах донских чиновников с российским дворянством⁶. Следующим шагом стал указ от 22 сентября 1798 г. согласно которому все казачьи чины были приравнены к армейским⁷. Тем самым старшине был открыт доступ в дворянство. Отныне войсковые чины соотносились с армейскими следующим образом: войсковой старшина — майор, есаул — ротмистр, сотник — поручик, хорунжий — корнет. Известно, что при Павле I, щедро жаловавшим генеральские чины, в России было такое обилие новоиспеченных генералов, что для них не хватало должностей. Войско Донское не стало исключением: если во времена князя Потемкина в нем насчитывалось всего четыре генерала, то теперь их число перевалило за тридцать! Не говоря уже о штаб и обер-офицерских чинах. 4 апреля 1799 г. впервые в истории войска Донского генералу от кавалерии Ф.П. Денисову был пожалован графский титул. В 1799 г. за участие в Итальянском и Швейцарском походах многие казачьи офицеры, вплоть до хорунжих, были награждены орденами св. Анны 2 и 3 степени. Простым казакам, прослужившим 25 и 30 лет, было разрешено давать отставку, с условием в случае надобности продолжить службу⁸. При Павле I раненые офицеры войска Донского получали отставку с сохранением их полного жалования, в следующее царствование это правило было отменено.

Надо сказать, что награждение казачьих офицеров орденами в царствование Павла I стало событием далеко не ординарным, как это может показаться на первый взгляд современному человеку. Для характеристики эпохи и нравов донских казаков позволим себе несколько пространную выписку из мемуаров есаула В.Кушнарера, написанных в 40-е гг. XIX века: «Еще я знал одного войскового старшину, умершего не более 17 лет тому назад. Он служил с Суворовым и был в Итальянском походе, откуда по возвращении и на роспуске полка он, не доходя до своей станицы Усть-Медведицкой, дал знать станичному атама-

Войсковой атаман В.П.Орлов (1797-1801 гг.)

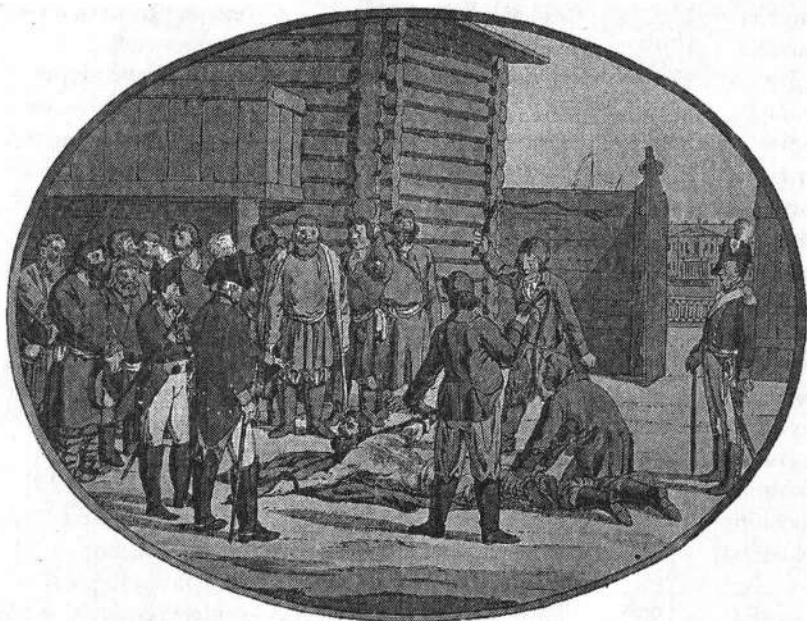
Генерал-майор А.П.Орлов, родной брат войскового атамана.

ну, что он благополучно со своими станичниками завтрашнего числа вступит в станицу и что он принес знамя и хоругвь, справленные на счет его и его сослуживцев. Станичный атаман сделал повестку по всем хуторам, чтобы собирались для встречи кавалера есаула Ш., ибо он имел орден 2 степени св. Анны, что в тогдашнее время было великою редкостью, чтобы кто из донских чиновников имел ордена. Этот орденский крест был гораздо более теперешнего. Станичные правители со станичными знаменами, хоругвями и со всеми жителями встретили кавалера и его команду, состоящую из станичников, за станицею и по обыкновению преклонили знамена и хоругви до трех раз с обеих сторон. При встрече все сошли с лошадей, и тогда подошли к ним жены с детьми, поклонились своим мужьям в ноги и коню за то, что он довез хозяина на родину, и тут же жены взяли коней, а дети — пики, сабли, ружья и пошли все в церковь. Этот обычай всегда и теперь исполняется. По отслужении молебна общество приговорило, чтоб всякий целовал орден, висящий у него на шее; но так как кавалер был исполинского роста, посему лучшего способа не выдумали, как ему сесть на стул, и таким способом все подходили и целовали крест. После сего все отправились в станичную избу, где атаман угощал всех за станичный счет, а на другой день вся станица пировала, ходя по домам. С тех пор есаула Ш. иначе и не называли и даже тогда, когда он получил чин войскового старшины, как кавалером, а его жену кавалершею»⁹.

Реестр пожалования генеральских чинов по войску Донскому при Павле I достаточно интересен не только для историков казачества, но и для всех, интересующихся историей России, поскольку его анализ может дать материал для характеристики этого царствования в целом. К сожалению, в те годы была такая чехарда с производством в чины и последующими отставками или исключениями из службы, что для сбора сведений пришлось обратиться к газете «Санкт-Петербургские ведомости»:

10 апреля	1797	Иловайский А.И.	генерал от кавалерии
16 ноября	1797	Киреев А.К.	генерал-майор
3 марта	1797	Иловайский Д.И.	генерал-лейтенант
6 февраля	1798	Орлов В.П.	генерал-лейтенант
7 марта	1798	Сулин Я.Н.	генерал-лейтенант
6 апреля	1798	Денисов Ф.П.	генерал от кавалерии
7 сентября	1798	Греков Д.Е.	генерал-майор
7 сентября	1798	Бузин И.Н.	генерал-майор
7 сентября	1798	Ребриков А.	генерал-майор
21 сентября	1798	Мартынов А.Д.	генерал-лейтенант
18 октября	1798	Попов А.	генерал-майор
18 октября	1798	Манков В.И.	генерал-майор
22 октября	1798	Денисов 2-й К.П.	генерал-майор
23 октября	1798	Сычев З.Е.	генерал-майор
24 октября	1798	Табунщиков Я.П.	генерал-майор
25 октября	1798	Греков 2-й И.Е.	генерал-майор
25 октября	1798	Кумшацкий И.С.	генерал-майор
27 октября	1798	Иловайский 2-й П.Д.	генерал-майор
27 октября	1798	Орлов 2-й А.П.	генерал-майор
30 октября	1798	Поздеев 1-й А.И.	генерал-майор
30 октября	1798	Денисов 4-й [Л.К.]	генерал-майор
30 октября	1798	Денисов 5-й [Т.П.]	генерал-майор
30 октября	1798	Иловайский 3-й А.В.	генерал-майор
10 февраля	1799	Леонов С.	генерал-лейтенант
7 марта	1799	Дячкин 1-й [И.]	генерал-майор
7 марта	1799	Краснов И.К.	генерал-майор
18 марта	1799	Поздеев 2-й	генерал-майор
28 марта	1799	Поздеев 3-й О.М.	генерал-майор
27 апреля	1799	Янов П.И.	генерал-майор
6 мая	1799	Иловайский 4-й И.Д.	генерал-майор
7 мая	1799	Родионов И.С.	генерал-майор
20 июня	1799	Денисов 6-й А.К.	генерал-майор
20 июня	1799	Иловайский 5-й Н.В.	генерал-майор
21 июня	1799	Курнаков С.И.	генерал-майор
5 августа	1799	Боков Г.А.	генерал-майор
26 октября	1799	Орлов В.П.	генерал от кавалерии
26 октября	1799	Киреев А.К.	генерал-лейтенант
3 декабря	1799	Греков 3-й Б.А.	генерал-майор
18 декабря	1799	Кульбаков Н.П.	генерал-майор
19 декабря	1799	Сулин 2-й [И.]	отставлен генерал-майором
19 декабря	1799	Черевков Е.	отставлен генерал-майором
21 декабря	1799	Кутейников С.Е.	генерал-майор
30 декабря	1799	Денисов 7-й В.Т.	генерал-майор
5 января	1800	Денисов 8-й П.Т.	генерал-майор
8 февраля	1800	Иловайский Д.И.	генерал от кавалерии

Подобного обилия генералов в войске Донском еще никогда не было. Так, на 1 января 1796 г. в войске состояло на службе: генерал-поручик — 1, генерал-майоров — 5, бригадир — 1, полковников — 5. Во вторую половину октября 1798 г., в мирное время, всего

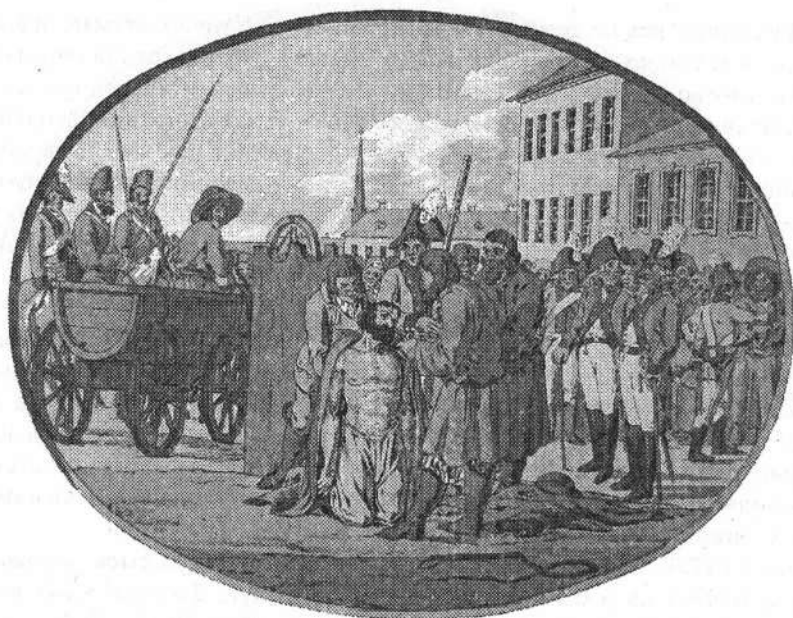
Наказание плетью. Нем. гравюра нач. XIX в.

лишь за две недели чин генерал-майора получили 13 человек! Император последовательно старался превратить донскую старшину в обычных российских дворян, и тем самым окончательно раздробить казачество на части. Если ранее старшину и простых казаков объединяли общие сословные интересы, то теперь она отделилась, сблизившись с дворянским сословием империи, но так и не получив всех его прав.

Однако донская старшина не была монолитной, две её группировки вели борьбу за власть в войске. Во главе первой стояли войсковые атаманы: сначала А.И.Иловайский, затем сменивший его В.П.Орлов. Эта группировка была правящей и более многочисленной. Во главе второй стоял генерал-майор Д.М.Мартынов, свыше двадцати лет заседавший в войсковом Гражданском правительстве и сумевший прибрать его к рукам. Он неоднократно начальствовал в войске во время отсутствия войскового атамана и был одним из крупнейших донских помещиков, владея 3 723 душами крепостных.

В апреле 1797 г. войсковой атаман А.И.Иловайский представил императору план преобразования войскового Гражданского правительства, которое сплошь состояло из родственников Д.М.Мартынова¹⁰. Но прибыв на коронационные торжества в Москву, Иловайский скоропостижно умер 2 мая 1797 г. Павел I предложил пост войскового атамана своему любимцу, генералу Ф.П.Денисову, который претерпел в свое время много неприятностей от князя Потемкина. Однако тот отказался, сославшись на возраст и болезни, и предложил кандидатуру своего зятя — генерал-майора В.П.Орлова. Надо сказать, что вся донская старшина была переплетена родственными узами, которые во многом и определяли принадлежность к группировкам. Так, В.П.Орлов был женат дважды: первым браком на дочери генерала Ф.П.Денисова, вторым — на дочери генерала Д.И.Иловайского. Именно эти три генерала заправляли всеми делами в войске в царствование Павла I.

Указ о назначении Орлова войсковым атаманом был отдан 6 мая в Смоленске. А уже 10 мая его многолетний соперник, в котором давно видели преемника войсковому атаману А.И.Иловайскому, генерал-майор М.И.Платов был исключен со службы. Формально это не

Рвание ноздрей. Нем. гравюра нач. XIX в.

было связано с событиями на Дону, а произошло вследствие жалобы, поданной казаками 1-го Чугуевского полка. Но такое случайное совпадение по времени слишком невероятно, тем более что Платов приходился зятем Д.М.Мартынову. На обратном пути из Персидского похода Платов был арестован Орловым в Черкасске 28 июля 1797 г. и отправлен с фельдъегерем в Петербург¹¹. Согласно решению военного суда от 7 декабря, он был лишен чинов и отправлен на Дон под надзор войскового атамана. Однако в пути его догнал фельдъегерь с приказом отправиться на поселение в Кострому. Понятно, что именно сторонникам Орлова могло помешать присутствие на Дону столь известного генерала из противоборствующей группировки. В Костроме Платов провел почти четыре года.

По предложению войскового атамана, рескриптом от 6 июля 1797 г. Павел I отменил реформы князя Потемкина в войске Донском: «Господин войска Донского войсковой атаман Орлов! Донесение ваше от 19 июня я получил; утверждая совершенно и без изъятия все бывшие прежде бывшие постановления войска Донского, намерен сохранить их в целости, для продолжения того правления, коим войско Донское было всегда на пользу Государя и отечества, что ж касается до вкравшихся злоупотреблений, и сделанных перемен князем Потемкиным, то вам принадлежит первые искоренять, а мне последних не апробовать, яко клонившихся всегда к истреблению общественного порядка вещей»¹². В частности, было распущено войсковое Гражданское правительство, послушное Д.М.Мартынову, и восстановлена войсковая канцелярия. Судьи бывшего правительства, во главе с Д.М.Мартыновым, были обвинены во взятках и оказались под следствием. Отмену реформ Потемкина, возрождение войсковой канцелярии некоторые донские историки расценили как стремление войскового атамана вернуться к казачьему самоуправлению. Но в действительности это было совпадение желания императора искоренить реформы Потемкина с интригой войскового атамана, начавшего борьбу с засильем сторонников Мартынова. Внешне все было оформлено как возвращение к «старине». Например, в указе от 6 ноября 1797 г. говорилось: «...чтоб отныне по всем делам, по которым следует, станицы

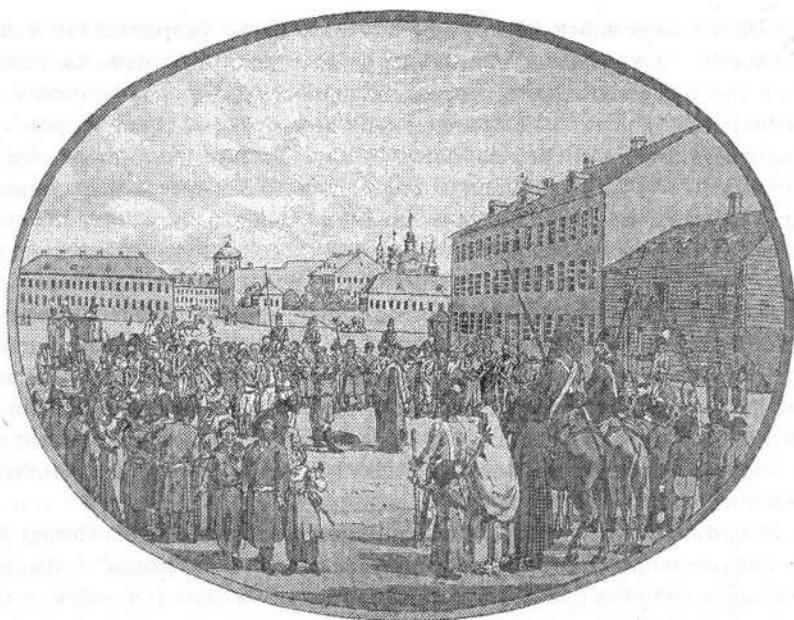
и чиновники относились по древнему обычаю на имя войскового атамана и войска Донского, а равно и из станиц писали по прежнему именованию, а не от станичных начальств. При том же и из войсковой канцелярии по следуемым делам в Военную коллегию и в губернские правления делать отнесения таким образом, как из прежде бывшей войсковой канцелярией то чинимо было, яко то: в первую отписками, а в последние сообщениями и премориями¹³. Но по сути никаких изменений, кроме переименования и изменения порядка заседаний, не произошло. Вся власть по гражданской части перешла от упраздненного войскового Гражданского правительства к войсковой канцелярии, в которой было выделено несколько экспедиций.

Что касается казачьего самоуправления, то войсковой атаман понимал его как управление старшин. В 1798 г. в станицах Зотовской, Иловлинской и Скуришенской во время выборов станичных атаманов, часть казаков заявила “что им из старшин и стариков атамана не надобно”. По приказу Орлова, войсковая канцелярия предписала этим станицам: “... дабы они впредь сами собою станичных атаманьев не избирали, а делали таковой выбор в присутствии сыского начальника не по большинству голосов простого, который нередко выходит из благопристойности, а по большинству голосов чиновников и первостепенных стариков ...”¹⁴.

11 августа 1797 г. в войске Донском было учреждено семь сыских начальств: три на Дону и по одному на реках Хопер, Медведица, Бузулук, Донец. К этому времени численность малороссиян, т.е. крестьян, на территории войска Донского была почти такой же, как и казаков. В “Ведомости... о числе жителей мужского пола” на 1 октября 1800 г. в войске Донском числилось:

казаков:	служивых	35 401
	отставных	16 496
	выростков, имеющих от роду от 17 до 20 лет	2 295
малороссиян		60 707
миновавших (вероятно, не записанных в ревизские сказки — А.С.)		1 919
Итого всех		116 818 жителей ¹⁵ .

Реформаторская деятельность Орлова продолжалась недолго — чуть больше года, поскольку новый император явно не хотел, чтобы казаки пребывали на Дону в праздности. 5 февраля 1798 г. войсковому атаману было предписано “держат 22 полка в исправной готовности к выступлению по первому повелению”¹⁶. 6 мая 1798 г. Орлов выступил во главе этих полков в поход к городу Пинску, на западную границу. Походными атаманами были назначены: генерал-майоры С.Леонов и А.Киреев, полковники И.Бузин, А.Иловваийский 3-й и А.Денисов 6-й, подполковник Л.Денисов. Кроме полков их имени в поход отправились полки подполковников Е.Астахова 2-го, Я.Сычева 2-го, П.Денисова 8-го, Г.Луковкина, майоров Ф.Денисова 10-го, П.Бузина 2-го, П.Грекова 8-го, Д.Кутейникова 2-го, Ф.Чернушнина, С.Иловайского 8-го, Г.Иловайского 9-го, войсковых старшин А.Молчанова, О.Дмитрова, И.М.Платова, А.Туроверова. Под Пинском, не участвуя в боевых действиях, большинство из этих полков пробыло около двух лет. Император писал Орлову 18 августа 1798 г.: “Вас же с войском берегу на случай чего-либо решительного противу французов, не раздробляя, дабы удар сильнее им сделать”¹⁷. Однако ничего решительного предпринято не было, и 14 апреля 1800 г. войсковой атаман вернулся в Черкасск с полками генерал-лейтенанта А.Киреева, генерал-майоров И.Бузина и Л.Денисова, полковников В.Орлова и Кутейникова, подполковника Г.Иловайского и майора Туроверова. Шесть полков во главе с походным атаманом полковником А.К.Денисовым 6-м были направле-

Наказание кнутом. Нем. гравюра нач. XIX в.

ны в армию графа А.В.Суворова-Рымникого и впоследствии участвовали в Итальянском и Швейцарском походах. Это были полки А.К.Денисова 6-го, П.Грекова, А.Молчанова, В.Поздеева, П.Семерникова и Я.Сычева. Кроме них под командой Суворова находилось еще несколько казачьих полков (генерал-майора С.И.Курнакова и др.). В Италии и Швейцарии донские казаки отличились и были щедро награждены императором. В 1800 г. войску Донскому было пожаловано белое знамя, с изображением государственного герба Российской империи и надписью: “Верноподданному войску Донскому, за оказанные заслуги в продолжении кампании против французов 1799 года”. Тогда же войску за боевые заслуги была пожалована Высочайшая грамота.

Воспользовавшись отсутствием войскового атамана, Д.М.Мартынов возобновил борьбу за власть в войске. В конце 1799 г. его сторонники подали императору анонимный донос на начальствовавшего в войске, в отсутствие войскового атамана, генерала Д.И.Иловайского¹⁸. В Черкасск для расследования доноса был направлен генерал-лейтенант К.Ф.Кнорринг 2-й, он прибыл туда 7 марта 1800 г. и получил большое количество жалоб от казаков. Иловайский в письме к Кноррингу объяснил обилие жалоб происками Мартынова¹⁹. Тем не менее, вернувшегося из похода Орлову пришлось отправить своих родственников, генералов Д.И. и П.Д.Иловайских, в Петропавловскую крепость. Положение правящей группировки пошатнулось, тем более что в Петербурге получил отставку и граф Ф.П.Денисов. Казалось, наступает время сторонникам Мартынова праздновать победу, но наступил страшный для донской старшины 1800 год, заставивший ее позабыть о междоусобице. В этом году старшине пришлось сполна расплатиться за те указы, которые приравнивали ее в правах к российскому дворянству. Правительство не собиралось, приравняв старшин к дворянам, оставлять за ними остатки прежних казачьих вольностей. Пришло время показать новоиспеченным дворянам, что они имеют не только права, но и обязанности перед престолом.

В мае 1800 г., покинув задонские степи, самовольно вернулись в пределы Астраханской губернии калмыки Большого Дербетова улуса, которые только в сентябре 1798 г.

года были причислены к войску Донскому²⁰. Указом от 18 февраля 1799 г. в Большом Дербетовом улусе было учреждено правление, подчиненное войсковой канцелярии войска Донского и состоящее из одного генерал-майора, одного штаб-офицера и владельца улуса²¹. Самовольный уход калмыков, жалующихся на притеснения со стороны войскового начальства, вызвал гнев императора. Павел I писал Орлову: “получил я донесение ваше от 30 мая о самовольном уходе калмыцких орд Большого Дербета в Астраханскую губернию к Малому Дербету, то не приписывая сие иному, как вкоренившимся беспорядкам в правление вверенного вам войска Донского, представляю вам уговорить их возвратиться на прежнее кочевье”²². Узнав о гневе императора на войсковое начальство, калмыки решили вернуться. Павел I приказал Орлову проследить, чтобы никто не смел обидеть вернувшихся калмыков, “вы мне за оное отвечать будете под опасением лишения вашего места и состояния”²³. 1 августа император приказал войсковому атаману “не вмешиваться никак в дела Калмыцких Орд, поелику хочу я, чтобы оные зависели от меня непосредственно под опасением для вас, а в противном случае лишения чинов и всего моего гнева”²⁴. Таким образом, угрозы войсковому атаману лишить его чинов и отрешить от должности носили в те месяцы перманентный характер.

В ходе следствия по делу Д.И.Иловайского открылось, что “дела войска Донского в войсковой канцелярии производятся несоответственно установлениям”²⁵. Император распорядился принять надлежащие меры. Указом от 11 июня 1800 г. в войсковую канцелярию, как во все губернские канцелярии империи, был назначен прокурор для наблюдения за законностью принимаемых решений. Канцелярии было предписано по военным делам относиться в Военную коллегия, а по гражданским в Сенат²⁶. 3 июля в Черкасск приступил к исполнению обязанностей прокурора войсковой канцелярии коллежский асессор А.О.Миклашевич²⁷. Указом от 6 сентября 1800 г. по предложению прокурора была учреждена структура войсковой канцелярии, в которой должны были заседать войсковой атаман, два заседателя от войска и особы, назначаемые императором²⁸. Дальнейшие события показали, что у особ, назначаемых императором, т. н. присутствующих, было более власти, нежели у прочих членов канцелярии. Первоначально в войсковой канцелярии было учреждено три экспедиции, но спустя месяц к ним добавилось еще три²⁹.

Другим важным направлением стало искоренение практики приема беглых донским помещиками, борьба с некогда действовавшим правилом: “С Дону выдачи нет”. Новороссийский генерал-губернатор Михельсон неоднократно подавал императору жалобы о том, что крепостные бегут на территорию войска Донского и там их укрывают. В мае 1800 г. целое селение крестьян ушло на Дон, а когда преследователи настигли их в пределах войска Донского, то на хуторе полковника И.А.Мешкова им оказали вооруженное сопротивление и один из преследователей был убит. Орлову было послано несколько строжайших рескриптов, в последнем из которых от 23 июля 1800 г. говорилось: “есть ли оных всех беглых вы не возвратите куда следует и тех побегов не прекратите, то будете лишены чинов и места”³⁰. В тот же день в Черкасск выехали два посланца императора — генерал от кавалерии И.И.Репин и генерал-майор, генерал-адъютант С.А.Кожин, сыгравшие немаловажную роль в дальнейших событиях.

О цели их прибытия на Дон генерал И.И.Репин позже, в ходе сенатского расследования, рассказал так: “...приехав в Черкасск и вступая в присутствие в войсковой канцелярии, занимался он (Репин.— А.С.) единственно по земской полиции в отыскивании тех беглых и в открытии виновных в приеме и укрывательстве их: что ж встречалось по военной части, то сие принял под свое наблюдение генерал-адъютант Кожин, посланный туда от Вашего Императорского Величества с особенною доверенностию”³¹. Посланцы императора прибыли в Черкасск 5 августа, и там сразу же начались аресты. К 10 августа под судом уже находились 17 старшин, в том числе два генерал-майора (И.Иловайский и В.Ман-

ков). Об обстановке в городе можно судить по дневниковой записи местного жителя: "1800 года... В половине августа месяца учинены в городе Черкасске полиция, тако ж в разных местах по городу пикеты и гауптвахта..."³².

С августа на Дону начались «строгости». 7 августа некий писарь Морозов привез в слободу Грабовскую, принадлежавшую полковнику В.Иловайскому, указ императора Орлову о недержании беглых от 26 июня 1800 г. и прилюдно зачитал его. Управляющий слободой М.Рабанов после прочтения сказал: "Как Государь скверно пишет к Орлову, как по щекам бьет". Узнав об этом инциденте, войсковой атаман приказал провести следствие. В итоге, по приговору суда Рабанов получил 50 ударов кнутом и был сослан на каторжные работы в Нерчинск, Морозов наказан плетью, каждый десятый совершеннолетний житель слободы, выбранный по жребию из числа слышавших эти слова, был наказан "кошками".

Такой поворот событий, в особенности начавшиеся аресты, не на шутку встревожил донских старшин, что видно из рапорта генерала Кожина императору: "здесьние все чиновники, сведав повсеместно Всевысочайшую Вашего Императорского Величества волю о водворении непременно в их крае порядка и искоренении вкравшихся с давних времен здесь злоупотреблений, стеклись и не перестают еще стекаться со всех донских пределов в здешний город. Пораженные висящим над их главами мечом правосудия, а наипаче угнетенные мыслью, что они сами заслужили своими поползновениями к беспорядкам справедливый и страшный всем и каждому гнев своего всемилостивейшего законного Государя, что наипаче мне видно из партикулярных моих с ними бывших разговоров, в коих я касался для возбуждения внутреннего их совести признания о Всевысочайших милостях, Вашим Императорским Величеством на них часто излианных, как-то: всещедрые и несравненно большие награждения, против прежних войн, за службу их в Италии, великолепное знамя, им присланное, ознаменующее Всевысочайшую Вашего Императорского Величества к ним милость и монаршее признание их воинских заслуг в роды родов, потом говорил я им о поравнении их с регулярными войсками чинами и о многих иных Вашего Императорского Величества к ним милостях и усмотрено мною, что тем более чувствуют потеряние своим поведением Всевысочайшего благорасположения столь милостивого к ним Государя. Пришедши теперь в крайнюю робость и трепет, имели они вчерась и севодни у войскового атамана Орлова, а потом в войсковой канцелярии нарочные заседания, откуда пришел ко мне, представили мне, что они намереваются чрез войскового атамана Орлова послать к освященнейшим стопам Вашего Императорского Величества робкое прошение, с чистосердечным признанием своих вин и клятвенным обещанием взять всевозможные меры для изыска у себя беглых людей и впредь на таковые злоупотребления никогда не покушаться..."³³. 12 августа прошение о помиловании, подписанное более чем 70 офицерами и станичными атаманами, было послано императору³⁴.

В эти дни в Черкасске, под надзором, находились бывшие гвардейские офицеры братья Грузиновы: старший Евграф Осипович — полковник, младший Петр Осипович — подполковник. При воцарении Павла I, четверо братьев Грузиновых, служивших в гатчинских войсках, сделали быструю карьеру, но вскоре оказались в опале и были отправлены под надзор на Дон. По словам Репина, они, "удалясь от всего здешнего собрания, жили весьма тихо"³⁵. И вот по злему совпадению, именно 12 августа, Петр попытался без разрешения покинуть Черкасск и был задержан. Когда посланные войсковым атаманом казаки попытались узнать у Евграфа, куда отправился его брат, то он обругал скверными словами Павла I, Орлова, Кожина и Репина. Евграф и Петр Грузиновы были в тот же день арестованы. Следствие, проведенное при активном участии трех оскорбленных генералов, было скоротечным. Уже на следующий день Е.Грузинов был приговорен к четвертованию.

После столь сурового приговора жизнь на Дону замерла. Один старожил вспоминал позже об этих днях: “когда разнеслась весть об арестовании братьев Грузиновых, в Кочетовской станице да и в других пошли небывалые строгости, запрещены всякого рода сборища, до которых казаки большие любители, вспоминая на них о своих походах и похваляясь своею удалью; разговоры велись втихомолку, боялись проронить лишнее слово”³⁶.

4 сентября в Черкасске был получен указ о помиловании всех привлеченных к суду по делам об укрывательстве беглых. В очередном рапорте императору генерал Кожин описал с каким восторгом был встречен этот указ: «...войсковой атаман Орлов присягнув наперед всего пред Богом и зеркалом, сказал всему собранию, что он “ни брата своего и никого не пощадит, если после сей беспримерной высочайшей милости найдется еще кто-либо неблагодарным преступником, того уже он без всякой пощады предаст всей строгости законов и не применит о нем всеподданнейше донести Вашему Императорскому Величеству”, что и я подтвердил. Мгновенно все в один голос воскликнули: “Мы клянемся выдать сами и донести о таковом неблагодарном и непризнательном изверге”»³⁷. Описанная сцена удивительного единодушия свидетельствует, что старшина была не на шутку напугана. Интересно, как воспринял грозную речь войскового атамана его родной брат, генерал-майор А.П.Орлов 2-й.

Единственным человеком, попытавшимся внести диссонанс в описанное Кожиним единодушие, был все тот же Д.М.Мартынов, который во всеулышание спросил его о том, где брать деньги, чтобы платить казенные подати до следующей ревизии за умерших крестьян. Крамольный вопрос повис в воздухе. А многие из присутствовавших старшин бросились к Кожину засвидетельствовать, что они мыслей Мартынова не разделяют. Император, узнав о произошедшем инциденте, приказал отправить его виновника в Шлиссельбургскую крепость.

Буквально на следующий день войсковой атаман сдержал свою угрозу никого не щадить. В жертву был принесен полковник Е.Грузинов. Дело в том, что одновременно с указом о помиловании виновных в укрывательстве беглых был получен приговор по его делу: “наказать нещадно кнутом и отправить к нашему генерал-прокурору”. 5 сентября Е.Грузинов был заперт насмерть: получив 400 ударов кнутом, он умер спустя два часа. Количество полученных ударов говорит о том, что отправлять его в Петербург никто не собирался. Для справки напомним, что 11 сентября 1795 г. один из организаторов восстания в донских станицах, есаул Иван Рубцов был наказан кнутом и в тот же день умер, получив 251 удар.

После расправы над Е.Грузиновым, генерал С.А.Кожин 7 сентября покинул Черкасск. В рапорте императору он писал: “...злопреступников Грузиновых суды кончены, какого-либо заговора они здесь несмотря, на их на то добрую волю, не сделали. Караулы и высылка беглых идет весьма успешно и все благополучно”³⁸. Из этих слов видно, что Кожин был прислан на Дон для предупреждения возможного возмущения среди казаков. По возвращении в Петербург он был назначен 4 октября командиром Конной гвардии. Впоследствии он командовал лейб-гвардии Кирасирским полком и погиб в 1807 г. в сражении под Гейльсбергом. Позже один современник в своих мемуарах отозвался о Кожине так: “начальное служебное поприще очернено злодеяниями его при следствии, порученного ему в звании флигель-адъютанта, на Дону во время царствования императора Павла”³⁹. Надо сказать, что о тогдашних событиях в Черкасске петербургская аристократия имела самые верные сведения, что отразилось в мемуарах.

Орлов отправил с Кожиним в Петербург материалы по судебным делам П.Грузинова и четырех казаков, обвиненных в недоносительстве на братьев Грузиновых (войсковой старшина И.А.Афанасьев, урядник З.Касмынин, казаки В.Попов и И.Колесников). Судьба сыграла с этой четверкой злую шутку. Суд в Черкасске приговорил их к казни “через

отсечение головы". Решение суда находилось в большом по объему судебном деле и в Петербурге посмотреть его, по-видимому, не удосужились. Прочли только сопроводительный рапорт Орлова, в котором он писал о своем согласии с решением суда: "по силе законов казнить смертью". Однако "по силе законов" смертная казнь в России была отменена указом от 27 сентября 1754 г., вместо нее применяли наказание кнутом, которое при известном старании приводило к гибели наказуемого. Так, Евграф Грузинов, а чуть позже Петр, были запороты насмерть, но следуя букве закона они были наказаны, а не казнены.

Вернемся к четверым осужденным. Итак, в Петербурге с формулировкой решения суда не ознакомились, а Орлову на Дон был послан рескрипт в котором говорилось следующее: "согласен я с мнением вашим и сентенциею, наложенную на них судом"⁴⁰. Войсковой атаман, получив рескрипт 25 сентября, намеревался поступить согласно решению суда. Репин и прокурор войсковой канцелярии Миклашевич, подозревавшие что произошла страшная ошибка, уговорили его 26 сентября отложить казнь и послать курьера в Петербург за разъяснениями. Первоначально Орлов с ними согласился, но утром следующего дня смертная казнь "через отсечение головы" была все же приведена в исполнение. Пораженному этим событием Миклашевичу Орлов сказал, что он "исполнил в точности высочайшую волю, ибо может де быть, Государю Императору благоугодно есть обуздаты тем здешние своевольства..."⁴¹.

Павел I получил 11 октября рапорт Орлова, в котором говорилось, что преступники "казнены смертию", и никакой реакции не последовало. Через день генерал-прокурор П.Х.Обольянинов получил рапорт прокурора войсковой канцелярии Миклашевича о том, что виновным были отсечены головы. Именно на этот рапорт последовала немедленная реакция: Репин был лишен чинов и отдан под суд. В указе Сенату от 13 октября 1800 г. было сказано: "Генерал от кавалерии Репин исключается из службы, с отобранием патентов, за приведение в исполнение сентенций смертной казни на Дону, вместо заменяющего оную наказания, наложенного моею конфирмациею"⁴². Однако такой конфирмации в действительности не было, что и подтвердило сенатское расследование.

В отечественной историографии до сих пор бытует мнение, что Репин был лишен чинов за расправу над Е.Грузиновым. Однако это не так. Формально Евграф Грузинов был подвергнут наказанию кнутом, и в этом не было ничего противозаконного. 26 октября, в день, когда лишенного чинов Репина увезли из Черкаска в Петербург, там был подвергнут наказанию кнутом Петр Грузинов. Несмотря на то, что он получил в три раза меньше ударов нежели старший брат, Петр все равно умер спустя несколько часов. И в этом случае закон не был нарушен. Он был нарушен казнью "через отсечение голов" четверых казаков, причастных к делу Грузиновых. Тем более, что один из них имел чин войскового старшины, т.е. был дворянином согласно указу 1798 г. Удивительно, что в отличие от Репина, Орлов — главный виновник казни, наказан не был. Однако чувствовал себя войсковой атаман себя в эти дни тревожно. В письме к генерал-прокурору П.Х.Обольянинову от 27 октября он просил исходатайствовать ему "Высокомонаршее помилование", поскольку в точности исполнил приговор согласно конфирмации⁴³. Орлов писал, что Репин не дал ему никакого совета и был с ним одного мнения: "при всех наших с ним Репиным размышлениях, не изобрели мы другого как исполнить по точности слов избранных в сентенции; о том же чтобы сию казнь заменить наказанием нещадно кнутом ни мне вдоразумение не приходило, ни совета к тому преподано не было». В свою очередь Репин и Миклашевич в один голос утверждали, что они отговаривали Орлова от казни и нет оснований им не верить. 11 ноября Репин был привезен в Петербург и посажен на Сенатскую гауптвахту, а через две недели после сенатского расследования был освобожден. На докладе Сената по этому делу император наложил резолюцию: "Дать абшид, но никуда не определять". В итоге Репин получил отставку с пенсионом в 2 тыс.

рублей и запрещением занимать какие-либо должности⁴⁴. В 1807 г. он был принят в службу генерал-лейтенантом, а впоследствии назначен сенатором.

Одновременно с указом об исключении со службы Репина, император назначил нового присутствующего в войсковой канцелярии, генерал-майора князя В.Н.Горчакова. 10 ноября 1800 г. князь Горчаков прибыл в Черкасск⁴⁵, но вскоре запутался в долгах и через полгода, 7 мая 1801 г., был освобожден от присутствия в войсковой канцелярии⁴⁶. Еще через полгода, 25 февраля 1802 г., была упразднена и эта должность. Надо признать, что Горчаков попытался разобраться с земельным вопросом на Дону, поднял вопрос о неравномерном распределении и захвате войсковых земель старшиной, вступил в обильную переписку с Сенатом по этому поводу. Однако при Александре I рассмотрение этого вопроса в Сенате было отложено.

После отъезда Репина «строгости» на Дону не прекратились. Так один из жителей Черкаска в своем дневнике 19 ноября 1800 г. сделал следующую запись: «За сочинение поносной против Государя оды были наказываемы кнутом старшинский сын Иван Галушкин и Преображенской церкви священник Федор, урядник Егор Антонов Фомин, писец Баранов и еще один неизвестной мне фамилии; первым двум дано по 50 ударов с вырезанием ноздрей и наложением знаков, Фомину — 50 ударов, а последним двум — по 16-ти»⁴⁷. Из этого же дневника видно, что в самом начале царствования Александра I бывший священник Преображенской церкви Федор Петров вернулся в Черкасск. А преемник Орлова, войсковой атаман М.И.Платов в 1802 г. ходатайствовал о возвращении ему сана священника. Эти факты говорят о том, что и данное судебное дело было достаточно надумано.

В конце 1800 г. начался новый виток дела об укрывательстве беглых, вызванный продолжавшейся борьбой двух группировок старшин. 11 сентября есаул Х.П.Кирсанов сообщил об исправлении и подчистке ревизских сказок имений его отчима, ссыльного генерал-майора М.И.Платова, хранящихся в войсковом казначействе. Кроме этого, он сообщил об укрывательстве беглых в имении графа Ф.П.Денисова. Это был расчетливый удар по правящей группировке старшин. Денисов предстал пред военным судом в Петербурге, а на Дону вновь были проведены аресты. К 8 ноября 1800 г. в войсковой канцелярии находились под судом и следствием 54 старшин (из них 6 генералов). Войсковой атаман попытался переложить всю тяжесть вины на сторонников Мартынова, назвав в своем рапорте об обнаруженных исправлениях ревизских сказок среди виновных только генералов Д.М. и А.Д.Мартыновых (отца и сына) и их зятя генерала М.И.Платова. Д.М.Мартынов в это время был уже на пути в Шлиссельбургскую крепость, а Платова из костромской ссылки перевели в Петропавловскую крепость. В конце 1800 — начале 1801 г. лидеры обеих враждующих группировок, за исключением войскового атамана, находились в заточении. Генерал-майор Д.М.Мартынов в Шлиссельбургской крепости; генерал от кавалерии граф Ф.П.Денисов в Кексгольмской; генерал от кавалерии Д.И.Иловайский, его сын генерал-майор П.Д.Иловайский и генерал-майор М.И.Платов в Алексеевском рavelине Петропавловской крепости.

Терпение императора иссякло, и он решил избавиться от всех проблем, связанных с войском Донским, одним ударом. Войсковому атаману было предписано провести поголовное ополчение для похода на завоевание Индии. Помогать Орлову в подготовке и проведении этого похода, должен был его давний соперник Платов, которого суд оправдал по делу об исправлении ревизских сказок. Павел I встретился с ним лично 16 января 1801 г. и рассказал о предстоящем походе (интересно, что незадолго перед этим, 4 января, граф Ф.П.Денисов был посажен в крепость). За перенесенные лишения император пожаловал Платову орден св. Иоанна Иерусалимского и приказал выдать тысячу червонцев на дорогу в Черкасск. Причем Платов был записан состоять по армии, а к войску Донскому прикомандирован по случаю похода, что делало его достаточно независимым от войскового атамана⁴⁸.

О том, что это ополчение было действительно поголовным, видно из рапорта Орлова: «При войске налицо находится казаков ныне двадцать одна тысяча, из коих числа, исключая больных, отлучных в разные губернии по промыслам их, также малоисправных по бедности, полагаю я выбрать девятнадцать тысяч и взять их с собою»⁴⁹. 27—28 февраля 1801 г. 40 донских полков (более 22,5 тысяч казаков) покинули родные места. Кто знает, чем бы закончился этот поход, если бы император Александр I одним из первых своих указов не вернул казаков обратно. Этот указ настиг их окраине Российской империи, в селе Мечетном Саратовской губернии. Другим своим указом, от 9 апреля 1801 г., Александр I вернул имение, находящееся в Черкасске, младшим братьям полковника Е.Грузинова⁵⁰.

Таким образом, новое царствование началось для войска Донского многообещающе. В самом его начале, прибыв на коронационные торжества в Москву, новый войсковой атаман М.И.Платов обратился с просьбой к генерал-прокурору А.А.Беклешову учредить войсковую канцелярию по образцу бывшего войскового Гражданского правительства⁵¹. Ему удалось добиться возвращения к реформам Потемкина: войсковая канцелярия была реорганизована. 6 февраля 1802 г. на заседании Государственного (Непременного) совета рассматривался вопрос о необходимости изменений в управлении казачьими войсками. В частности, было признано: «Неоспоримо, что виды правительства, в отношении к управлению сих войск, всегда клонились и должны были клониться к тому, чтоб привести их в единообразие с прочими обывателями; но частные их привилегии, воинский их состав, дух народный, нравы и обычаи всегда полагали сильные тому препятствия. Учреждение в 1775 г. в войске Донском гражданского правительства, сколько ни далеко еще оно было от общего порядка, полагало однакож к нему некоторое начало. Перемены в учреждении сем, в 1797 г. и последующих сделанные, состояли только в раздроблении дел на разные части и введении новых имен, а не в существенном преобразовании...»⁵². В 1809 году военный министр граф А.А.Аракчеев опять вернулся к этому вопросу, выступив в Сенате с предложением об изменении управления казачьими войсками. Однако верная служба казаков в войнах с Наполеоном, их победоносное преследование французской армии в 1812 г., влияние известного атамана М.И.Платова — способствовали тому, что решение этого вопроса было отложено.

Примечания

- 1 Джингарадзе В.З. Военно-судное дело гвардии полковника Евграфа Осиповича Грузинова (1800 г.) // Ученые записки Новгородского педагогического института. Т.1. Выпуск историко-филологического факультета. 1956; Гвинчидзе О.Ш. Братья Грузиновы. Тбилиси, 1963; Лесин Е.И., Корищков Н.С. Евграф Грузинов // Вопросы истории. 1987. №7. С.88—95.
- 2 Эйдельман Н.Я. Грань веков // В борьбе за власть. Страницы политической истории России XVIII века. М., 1988. С.389.
- 3 Цит. по: Пронштейн А.П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов-на-Дону, 1961. С.240.
- 4 Записка А.В.Суворова от 30 декабря 1796 г. // А.В.Суворов. Документы. Т.III. М., 1952. С.568.
- 5 Указ от 12 декабря 1796 г. // Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание (далее: ПСЗ-1). Т.XXIV. С.233.
- 6 Сборник РИО. Т.8. СПб., 1871. С.229.
- 7 Указ от 22 сентября 1798 г. // ПСЗ-1. Т.XXV. С.387.
- 8 Высочайший рескрипт В.П.Орлову от 25 мая 1798 г. // Акты, относящиеся к истории Войска Донского. Новочеркасск, 1902. С.11.
- 9 Странички прошлого // Донские областные ведомости. 1902. №81. С.2.
- 10 Постникова-Лосева Н.М. Из истории социально-политических отношений на Дону в XVIII в. // Исторические записки. Т.60. М., 1957. С.268.
- 11 Рапорт В.П.Орлова императору Павлу I от 28 июля 1797 г. // РГВИА. Ф.26. Оп.1/152. Д.6.
- 12 Указ от 6 ноября 1797 г. // ПСЗ-1. Т.XXIV. С.792—793. В его текст вошел рескрипт Орлову от 6 июля 1797 г.
- 13 Указ от 6 ноября 1797 г. // ПСЗ-1. Т.XXIV. С.792—793.
- 14 Попов И.П. Материалы к истории Дона. Новочер-

- касск, 1900. С.22.
- 15 Ведомость учрежденным по ведомству войска Донского начальствам и состоящим во оных начальствах станицам и о числе жителей мужского пола. Октября 1-го дня 1800 года // РГИА. Ф.1286. Оп.1, 1802 г., Д.223. Л.57—62.
 - 16 Высочайший рескрипт В.П.Орлову от 5 февраля 1798 г. // Акты, относящиеся к истории Войска Донского. Новочеркасск, 1902. С.10.
 - 17 Высочайший рескрипт В.П.Орлову от 18 августа 1798 г. // Акты, относящиеся к истории Войска Донского. Новочеркасск, 1902. С.12.
 - 18 Всеподданнейший донос донских жителей от 20 декабря 1799 г. // Сборник областного Войска Донского статистического комитета (далее: СОВДСК). Вып. XIII. Новочеркасск, 1915. С.171—173.
 - 19 Письмо Д.И.Иловайского к К.Ф.Кноррингу от 15 марта 1800 г. // РГИА. Ф.1345. Оп.98. 1824 г., Д.1005. Л.104—105.
 - 20 Указ от 1 сентября 1798 г. // ПСЗ-1. Т. XXV. С.364.
 - 21 Указ от 18 февраля 1799 г. // ПСЗ-1. Т. XXV. С.368.
 - 22 Чонов Е. Калмыки в русской армии. XVII в., XVIII в. и 1812 год. Пятигорск, 1912. С.28.
 - 23 Там же.
 - 24 Там же.
 - 25 Всеподданнейший доклад генерал-аудитора от 17 апреля 1800 г. // РГИА. Ф.1286. Оп.1, 1802 г., Д.222. Л.3.
 - 26 Указ от 11 июня 1800 г. // ПСЗ-1. Т. XXVI. С.171—172.
 - 27 Рапорт А.О.Миклашевича П.Х.Оболянинову от 3 июля 1800 г. // РГИА. Ф.1286. Оп.1, 1802 г., Д.222. Л.20.
 - 28 Указ от 6 сентября 1800 г. // ПСЗ-1. Т. XXVI. С.287—288.
 - 29 Указ от 8 ноября 1800 г. // ПСЗ-1. Т. XXVI. С.330.
 - 30 Рескрипт В.П.Орлову от 23 июля 1800 г. // СОВДСК. Вып. XIII. Новочеркасск, 1915. С.175.
 - 31 Доклад Сената по делу И.И.Репина от 26 ноября 1800 г. // РГИА. Ф.1374. Оп.4. Д.131. Л.6об.
 - 32 Дневник священника города Черкаска В. Рубашкина // Казачий вестник. 1883. №14. С.1.
 - 33 Рапорт С.А.Кожина императору Павлу I от 12 августа 1800 г. // СОВДСК. Вып. XIII. Новочеркасск, 1915. С.178—179.
 - 34 Всеподданнейшее прошение о помиловании донских чиновников от 12 августа 1800 г. // СОВДСК. Вып. XIII. Новочеркасск, 1915. С.180-182.
 - 35 Письмо И.И.Репина к П.Х.Оболянинову от 13 августа 1800 г. // РГИА. Ф.1345. Оп.98. Д.525. Л.30—31.
 - 36 Павлов А. Из прошлого // Донская речь. 1895. №50. С.2.
 - 37 Рапорт генерала С.А.Кожина императору Павлу I от 4 сентября 1800 г. // РГИА. Ф.1345. Оп.98. Д.525. Л.386об.
 - 38 Там же. Л.387.
 - 39 Волконский С.Г. Записки. Иркутск, 1991. С.118.
 - 40 Высочайший рескрипт Орлову от 14 сентября 1800 г. (копия) // РГИА. Ф.1345. Оп.98. Д.525. Л.3.
 - 41 Рапорт А.О.Миклашевича П.Х.Оболянинову от 24 октября 1800 г. // РГИА. Ф.1345. Оп.98. Д.525. Л.440—443.
 - 42 Русская старина. 1873. №5. С.630.
 - 43 Гвинчидзе О.Ш. Указ соч. С.109.
 - 44 Доклад Сената по делу И.И.Репина от 26 ноября 1800 г. (копия) // РГИА. Ф.1374. Оп.4. Д.131. Л.4—13об.
 - 45 Рапорт князя В.Н.Горчакова П.Х.Оболянинову от 10 ноября 1800 г. // РГИА. Ф.1286. Оп.1, 1802 г., Д.222. Л.73.
 - 46 Указ от 7 мая 1801 г. // РГВИА. Ф.13. Оп.2/110. Св.170. Д.3. Л.1.
 - 47 Из истории Донского края // Донская речь. 1891. №2. С.2.
 - 48 Письмо М.И.Платова к Х.А.Ливену от 4 июля 1801 г. // РГВИА. Ф.26. Оп.1/152. Д.132. Л.403—403об.
 - 49 Рапорт В.П.Орлова императору Павлу I от 23 января 1801 г. Цит по: Попов А. Василий Петрович Орлов (1797—1801) // Донские войсковые ведомости. 1854. №22—24. С.106—108, 110—111, 113—114.
 - 50 Указ императора Павла I канцелярии Войска Донского от 9 апреля 1801 г. // Акты, относящиеся к истории Войска Донского. Новочеркасск, 1902. С.16.
 - 51 Рапорт М.И.Платова А.А.Беклешову от 8 октября 1801 г. // РГИА. Ф.1286. Оп.1, 1802 г., Д.223. Л.11—13об.
 - 52 Цит. по: Столетие Военного министерства. 1802—1902. Главное управление казачьих войск. СПб., 1902. С.154.